

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

КОНЦЕПЦИЯ «ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЫ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Игорь Евгеньевич Денисов

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

Информация о статье: Поступила в редакцию: 27 июня 2020 Принята к печати: 1 сентября 2020	Аннотация: Укрепление международной дискурсивной силы (<i>гоцзи хуаюйцюань</i>) Китая объявлено одним из приоритетов внешней политики при Си Цзиньпине. Китайские теоретики и практики, обращаясь к работам Мишеля Фуко о дискурсе, видоизменяют их содержание, адаптируя западный концепт дискурса к реалиям возвышающегося Китая. Настоящая статья посвящена анализу содержания понятия «международная дискурсивная сила» в контексте научных дискуссий о трансформации китайской внешней политики. В первую очередь автор рассматривает вопрос, почему этот концепт носит стратегический характер, и почему именно он, а не мягкая сила, выходит на первый план в описании взаимодействия Китая с миром. Показано, как вопрос о дискурсивной силе связан с планами Пекина по реформе глобального управления и интернационализации китайских стандартов. В качестве примера в статье рассматривается дискурсивное наполнение китайской политики в Арктике, где Китай обеспечивает свои интересы не только на материальном и практическом, но и на идейном уровне. Автор приходит к выводу, что выдвижение задачи усиления «дискурсивной силы» отражает новое качество китайской внешней политики, реагирующей на усложнившуюся внешнюю среду. В китайском понимании усиление дискурсивной силы представляет собой набор инструментов, способствующих продвижению Китая в центр мировой сцены, формирующих повестку международных институтов и новые «правила игры».
Об авторе: старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: iedenisov@yahoo.com	
Ключевые слова: Китай; внешняя политика; дискурсивная сила; Си Цзиньпин; трансформация; глобальное управление; Арктика; Фуко	

Среди множества концепций, инициатив и новых внешнеполитических нарративов, которые вошли в оборот при Си Цзиньпине, «международная дискурсивная сила» (*гоцзи хуаюйцюань*) выделяется особо. Как и в случае с инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП), этот термин носит зонтичный характер, подразумевая разнородный набор механизмов, инструментов и практик. Как и «сообщество единой судьбы человечества» (*жэньлэй миньюнь гунтунти*) или «международные отношения нового типа» (синьсин гоцзи гуаньси), международная дискурсивная сила – признак нового качества китайской внешней политики. Это свидетельство более широкой и глубокой вовлеченности Китая в мировые процессы, что серьезно отличает нынешний период

«новой эпохи»¹ от времени старта политики реформ и открытости, и даже периодов Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао.

Однако у задачи укрепления международной дискурсивной силы есть особенность, отличающая ее от ОПОП и строительства сообщества единой судьбы человечества: она носит «внутренний», а не «экспортный» характер, не является частью открытого «китайского плана» глобально-

¹ На XIX съезде КПК в Устав внесено положение, включившее в идейно-теоретическую базу китайизированного марксизма «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». См.: Full text of Resolution on Amendment to CPC Constitution // *Xinhua*, 24.10.2017. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/24/c_136702726.htm

го управления. Иными словами, концепция усиления дискурсивной силы не преследует цель объяснить миру китайские намерения. Это скорее внутренняя инструкция внешнеполитическому аппарату, чем очередная «Белая книга» для зарубежной аудитории.

Как представляется, комплекс мер по усилению международной дискурсивной силы – это программная установка, которую китайский политический класс адресует исключительно себе – всей партийно-государственной системе, а также транслирует по вертикали государственным и негосударственным акторам, задействованным в развитии внешних связей страны. Это обстоятельство определяет актуальность анализа концепции «международной дискурсивной силы», которая в современной китайской внешнеполитической мысли и практике занимает одно из центральных мест. Для России, развивающей с Китаем тесное сотрудничество на международной арене, крайне важно разобраться в особенностях дискурсивной стратегии Пекина, определить, с помощью каких инструментов и механизмов китайская дипломатия намерена продвигать интересы своей страны в условиях нынешней мировой турбулентности.

Укрепление дискурсивной силы как стратегическая задача

Понятие «дискурсивная сила» широко использовалось в китайском политическом лексиконе еще при Ху Цзиньтао. Однако после смены поколений в руководстве партии и государства в 2012-2013 гг. и прихода к власти Си Цзиньпина сама концепция усиления международной дискурсивной силы, как и другие составные части политического наследия предшественников, была серьезно обновлена. При этом формальной отправной точкой для пересмотра прежних установок стали западные теории, правда, сведенные к привычной для партийного дискурса «лозунговой» форме, и часто (в препарированном виде) весьма далекие от оригинала.

В китайских текстах на тему усиления дискурсивной силы (без точных ссылок, иногда даже просто с упоминанием безымянного «западного ученого», а не самого Мишеля

Фуко²) чаще всего приводится тезис о том, что «дискурс – это и есть власть» (*хуаюй цзи цюаньли*). Как пишет Шэнь Сяньчжи, ставя эту фразу в кавычки и указывая авторство М. Фуко: «Дискурс – это власть, за которую людям необходимо бороться» (*хуаюй ши жэньмэнь бичжэн дэ цюаньли*)³. Проведенный автором данной статьи сравнительный анализ показал, что, здесь речь идет о сильно урезанной цитате из «Порядка дискурса» М. Фуко⁴. Приведем ее в более полном виде. «...дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть»⁵.

Очень часто в китайских интерпретациях дискурса встречается упоминание о том, что его важная функция состоит в «упорядочивании мирового порядка» (*дуй шицзе чэнсюй дэ чжэнли*). Несмотря на приложенные усилия, нам так и не удалось установить точный источник этой цитаты в работах Фуко, хотя китайские авторы ссылаются именно на него. Похоже, что, как и в примере выше, речь идет о творческом (или точнее утилитарном) использовании трудов

² Тун Бин. Цзяцян синьвэньсюэ хуаюй тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // Жэньминь Жибао, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening Construction of Journalism Discursive System) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

³ Шэнь Сяньчжи. Лунь чжунго дуйвай хуаюй тиси дэ гоуцзянь (О построении внешней дискурсивной системы Китая) // Синьвэнь чжаньсянь. 2018. № 17. [Shen, Xianzhi. Lun zhongguo duiwai huayu tixi de goujian (On the Construction of China's Foreign Discursive System) // *Xinwen zhanxian*. 2018. No. 17.]

⁴ Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.

⁵ Цит. по: Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996. С. 52 [Foucault, M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti (The Will for Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality). Translation from French, comments and afterword by S. Tabachnikova. Moscow, 1996. P. 52.]

французского философа. Как откровенно заметил еще до повальной моды на цитирование Фуко Чжан Гоцзо, «взгляды Фуко относительно близки к нашему сегодняшнему пониманию функций и содержания дискурсивной силы»⁶.

Причины близости очевидны. Обращаясь к работам Мишеля Фуко о дискурсе, китайские теоретики и практики видоизменяют и упрощают их содержание, «приближая» к сегодняшней эпохе, то есть, адаптируя западный концепт к реалиям возвышающегося Китая, при этом исходя из своего понимания сути и конечного предназначения возросшей дискурсивной власти.

Руководство КПК действует в соответствии с традиционным для китайской политической практики подходом – сочетать китайское и западное по формуле *чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн* (использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения)⁷.

Из теории западных постструктуралистов выделяется актуальная для Китая сторона дискурса – возможность переустройства миропорядка, того самого «упорядочивания». При этом контроль над дискурсом рассматривается как контроль над миром. Достаточно типично следующее китайское толкование «дискурсивной силы»: «В определенном смысле, тот, кто владеет дискурсивной силой, тот и имеет «право организовывать» мировой порядок, тот и обладает ключевой властью»⁸.

Впервые о дискурсивной силе загово-

рили в связи с концепцией мирного подъема (или мирного развития) Китая, которая должна была снять опасения внешнего мира по поводу роста экономических, политических и военных возможностей «державы номер два». Дискурсивная сила 2.0 (вариант Си Цзиньпина) призвана не бороться с антикитайскими предрассудками, бытующими за рубежом, не маскировать «возможности», а наоборот создавать их, добиваться заметного присутствия Китая, как в позитивной повестке отдельных государств, так и в нормотворчестве и практике институтов глобального управления.

Качественный скачок в трактовке понятия «дискурсивная сила» безусловно связан с новой внешнеполитической парадигмой Китая, с переходом от скромной внешней политики к дипломатии «большого государства», которое уже не считает нужным «держаться в тени», а намерено активно защищать свои интересы.

Этот скачок стал результатом рефлексии о новой глобальной роли Китая и связанных с этим рисков. Процесс осмысления вызовов, стоящих перед Китаем в XXI веке, был достаточно драматичен. Однако он позволил китайской элите избавиться от романтизма концепции «мирного подъема», согласно которой укрепление внешних позиций страны виделось линейным (и преимущественно бесконфликтным). Теперь такой уверенности в относительном спокойствии внешней среды уже нет.

Еще одной стартовой точкой для дальнейших поисков ответа на вопрос, каким образом сохранить устойчивость китайской политической системы и динамику экономического роста, становится нынешняя эскалация китайско-американских противоречий и процессы деглобализации, что у многих вызвало аналогии с периодом холодной войны. Юань Пэн пишет о необходимости после нынешнего кризиса «подвести важные итоги, основательно переосмыслить и критически оценить глобализацию и глобальное управление»⁹.

⁹ Юань Пэн Синьгуань и цин юй байнянь бяньцзюй (Эпидемия нового коронавируса и столетние перемены) // Ай Сысян, 17.06.2020. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/121742>.

⁶ Чжан Гоцзо. Гуаньюй «хуаюй цюань» дэ цидзянь сыкао (Некоторые мысли о «дискурсивной силе») // Чжэнгун яньцзю вэньчжай. 2009. № 3. Рр. 43-44. [Zhang, Guozuo. Guanyu “huayu quan” de jidian sikao (Some Reflections on the «Discursive Power») // *Zhengong wyanjiu wenzhai*, 2009, No. 3, Рр. 43-44.]

⁷ Denisov, I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2, p. 74.

⁸ Тун Бин. Цзяцян синьвэньсюэ хуаюй тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // Жэньминь Жибао, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening construction of journalism discursive system) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

В концепте усиления международной дискурсивной силы зафиксирована новая реальность, которая состоит в сочетании возросших возможностей Китая, с одной стороны, и усилившихся вызовов и угроз китайскому росту, с другой стороны. Данная задача теперь понимается как центральная идея великого возрождения китайской нации применительно к международному аспекту «подъема Китая». Как отмечает Тун Бин, «великое возрождение китайской нации в определенной степени является возрождением дискурсивной силы»¹⁰. Включение термина в основополагающие партийные документы, а также его тесная увязка с выдвинутой Си Цзиньпином идеологией «китайской мечты», означает, что задача наращивания дискурсивной силы носит стратегический характер.

Почему не «мягкая сила»?

Закономерен вопрос, почему, не забывая на словах о «мягкой силе», продолжая подчеркивать важность распространения культурного влияния Китая в мире, руководители КНР в «новую эпоху» будто заговорили на другом политическом языке, в котором ключевые установки для дипломатии концентрируются вокруг иного понятия – «дискурсивной силы». Такой поворот может выглядеть сюрпризом, ведь китайской «мягкой силе» были посвящены буквально тонны научной литературы и огромный корпус официальных текстов. Кроме того, китайскую «мягкую силу» действительно трудно не заметить – телеканал *CGTN*, сеть Институтов Конфуция, образовательные и культурные обмены, многоязычные пропагандистские интернет-сайты. Наконец, о значении инструментов «мягкой силы» неоднократно

высказывались представители китайской политической и интеллектуальной элиты.

Стоит вспомнить, что одной из пионерских работ, заложивших основы анализа феномена *soft power* в Китае, стала статья «Культура как национальная сила: мягкая сила»¹¹ нынешнего члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунина. В третьем номере вестника «Фудань сюэбао» за 1993 год 38-летний декан факультета международной политики Фуданьского университета Ван Хунин, который через 24 года поднимется на вершину партийной иерархии, ссылаясь не только на ставшую потом классической статью Джозефа Ная «*Soft Power*» в «*Foreign Policy*». Чаше чем классиков марксизма автор цитировал труд американского футуролога Элвина Тоффлера¹², вышедший в переводе на китайский язык в Издательстве ЦК КПК через год после публикации в Нью-Йорке. Мы перечислили эти работы сознательно, поскольку их выбор и внимание к ним со стороны профессора одного из ведущих университетов, безусловно, отражают интеллектуальную жизнь того времени.

Китай, только начавший выход из изоляции после западных санкций в связи событиями на Тяньаньмэнь 1989 г., пытался заглянуть в будущее, представить, какое место может занять страна в уже не далеком XXI веке. Ключевой вопрос для размышлений: каким образом Китай, не решивший до конца задачи реформ, не имеющий оформленные военные альянсы, и пока являющийся игроком «средней лиги» на международной арене, может в грядущем веке гарантировать себе «место под солнцем». Наконец, важно было понять, что Китай противопоставит западной гегемонии, которая в полной силе проявилась в период после Тяньаньмэнь.

Ван Хунину оказалась близка идея Тоффлера о ведущей роли знаний (а не бо-

html [Yuan, Peng. Xinguan yiqing yu bainian bianju (The New Coronavirus Epidemic and a Century of Change) // *Ai Sixiang*, 17.06.2020. Mode of access: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html>]

¹⁰ Тун Бин. Цзяцян синьвэньсюэ хуаюу тиси цзяньшэ (Усиливать строительство дискурсивной системы в журналистике) // Жэньминь Жибао, 28.05.2018. [Tong, Bing. Jiaqiang xinwenxue huayu tixi jianshe (Strengthening Construction of Journalism Discursive System) // *Renmin Ribao*, 28.05.2018.]

¹¹ Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. Pp. 91-96. [Wang Hongying. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a National Strength: Soft Power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No 3, pp. 91-96.]

¹² Toffler, Alvin. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

гатства и насилия) в трансформации глобальной власти. Китайский автор разделяет вывод Тоффлера о том, что в центре глобальной борьбы за власть будет контроль над знанием. При этом от себя он замечает, что в «современной модели международных отношений культурный фактор (более широкая категория, чем знание) является фактором мировой мобильности, представляет собой опору “мягкой силы”, которую трудно монополизировать»¹³.

Механизм действия «культурного фактора» Ван Хунин видит так: когда культура, распространяясь за пределы национальных границ, становится основополагающей ценностью или приобретает характер мейнстрима, общество-источник этой культуры естественным образом приобретает большую «мягкую силу». Иными словами, чем шире распространена культура страны, тем больше ее потенциальная «мягкая сила».

Доступность данного инструмента влияния Ван Хунин объясняет тем, что культура распространяется свободно и носит трансграничный всепроникающий характер, ее невозможно монополизировать, в отличие от материальных или военных ресурсов (ресурсов насилия), которые отдельные страны и группы стран концентрируют в своих руках. Преимущества Китая автор видит в том, что Китай является тысячелетней цивилизацией, а также имеет многочисленную диаспору в мире.

Подчеркнем, что в работе Ван Хунина замечен концептуальный «ребрендинг» как «мягкой силы» Дж. Ная, так и «знания» в понимании Э. Тоффлера. С позиции сегодняшнего дня видно, что два момента делали предложения Ван Хунина несколько утопическими: во-первых, уверенность в том, что культурный фактор глобальной власти (как и мягкую силу) нельзя монополизировать, и при свободном распространении культуры, гегемония и барьеры в этой области

невозможны; во-вторых, представление о «знании» как об узкой и потенциально более слабой категории, а о культуре как более широкой и сильной.

На такое восприятие западных концепций, видимо, серьезно повлияла доминирующая в определенных политологических кругах идея о Китае как «государстве-цивилизации», обладающем имманентно присущими ему моральными и культурными преимуществами. Сыграло роль и то, что в середине 1990-х гг. трудно было себе представить, что страна, уже ставшая к тому моменту мировым сборочным цехом, в перспективе сможет заявить о себе как о глобальном технологическом лидере, и именно с этой позиции станет контролировать «мировое знание». В конкретной исторической ситуации, по логике Ван Хунина, для поднимающегося Китая, отвергающего насильственный путь и пока достаточно слабого с точки зрения «богатства», продвижение национальных интересов через культуру оставалось единственным разумным выбором.

Сегодня и международная система, и набор ресурсов и инструментов, которыми располагает Китай, уже другие. Мир оказался гораздо более жестким и хаотичным, чем представлялось китайским теоретикам в 1990-е гг. Настолько ли актуален тот вариант мягкой культурной силы, о котором говорили все эти годы? Дискурсивная сила, выходящая сейчас на первый план, не дополняет китаизированную «мягкую силу» (в том варианте политики «государства-цивилизации», который с легкой руки Ван Хунина утвердился на многие годы), а наоборот опровергает ее. В определенной степени сейчас идет постепенное, но знаковое, прощание с теми сценарными разработками подвига Китая, которые были сформированы в руководстве КНР и приняты на вооружение в 1990-е и 2000-е гг. Язык китайской дипломатии становится гораздо жестче, что также говорит о том, что мы в начале некоего перелома.

Исследователи все-таки пытаются установить, есть ли связь между «мягкой силой» и наращиванием «международной дискурсивной силы». Так, Чжао Кэцзинь полагает, что потенциал, накопленный в прошлые

¹³ Ван Хунин. Цзювэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. Р. 91. [Wang Hongying. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a National Strength: Soft Power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No 3, p. 91.]

годы в результате реализации культурной мягкой силы, сегодня может трансформироваться в рост дискурсивной силы, для чего необходимы концентрированные усилия государства (по выражению Чжао – стратегический поворот (*strategic pivot*))¹⁴.

Нынешняя трансформация китайской внешней политики носит стратегический характер, но, как нам представляется, дискурсивная сила (составная часть этих изменений) все-таки существенным образом отличается от «мягкой силы». По сравнению с прежним вспомогательным инструментом, с не очень четко определенной аудиторией воздействия и «размытым» целеполаганием (рассказывать «хорошие истории» про Китай, его культуру, философию и мораль), дискурсивная сила призвана изменить не представления абстрактных иностранцев о Китае, но саму внешнюю среду, институциональные рамки, в которых действует растущая держава. В этом отношении она явно и гораздо теснее, чем «мягкая сила» культуры, связана с глобальным управлением, а в конечном итоге, и с глобальным трансфером власти.

Кроме того, само образное восприятие эффекта действия дискурсивной силы иное. Это уже не субстанция, автоматически заполняющая некую емкость (трансграничная культурная экспансия – большее культурное присутствие – большее влияние). Это в числе прочего построение и самого «сосуда», то есть инициативное создание институциональных и нормативных рамок, действуя в которых Китай будет максимизировать собственную выгоду, взаимодействуя с другими игроками. Дискурсивная сила не случайно сопровождается определением «международная», указывая на то, что круг интересов КНР постоянно расширяется. Речь идет о создании механизмов влияния на решения по широкому кругу международных проблем – от регулирования Интернета до космоса, от обеспечения интересов Китая в мировой финансово-экономической системе до создания технологических платформ, ориентированных на китайскую вы-

сокотехнологичную продукцию и китайские стандарты.

Институциональная дискурсивная сила и интернационализация стандартов

Самым заметным изменением, свидетельствующим о том, что дискурсивная сила сегодня уже не сводится к обеспечению «права голоса», стало появление в китайских официальных документах понятия «институциональная дискурсивная сила» (*чжидусин хуаюйцюань*). Причем это происходит уже безо всяких отсылок к западному постструктурализму: знак того, что дискурсивная сила прочно укоренилась на китайской политической почве, и еще сильнее отделилась от источника заимствования этого концепта. Исследователи Фуко наверняка удивились бы, узнав, какой широкий круг понятий в современном Китае относят к дискурсу.

В решении 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) по 13-му пятилетнему плану говорилось о необходимости «повышения институциональной дискурсивной силы Китая в глобальном экономическом управлении и формировании широкого сообщества интересов»¹⁵. В самом 13-м плане формулировку расширили за счет включения в перечень китайских интересов и системы глобального финансового управления.

Эту новацию можно расценить, как твердое намерение Пекина активно продвигать свой план реформы глобального управления – и в рамках традиционных институтов, и с помощью создаваемых Китаем параллельных структур и платформ, например, в рамках Азиатского банка ин-

¹⁴ Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3, P. 543.

¹⁵ Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин “шисанью” гуйхуа дэ цзяньи (Предложения ЦК КПК по разработке 13-го пятилетнего плана) // Чжунъян чжэнфу мэньху ванчжань, 03.11.2015. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959432.htm. [Zhonggong zhongyang guanyu zhiding “shisanwu” guihua de jianyi (Recommendations of the Central Committee of the Communist Party of China on the Thirteenth Five-Year Plan) // Zhongyang zhengfu menhu wangzhan, 03.11.2015. Mode of access: http://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959432.htm]

фраструктурных инвестиций (АБИИ), или через механизмы инициативы «Один пояс, один путь», которая с началом проведения международных форумов высокого уровня также развивается по модели «мягкой институционализации». Это пока не отвоеванный навсегда плацдарм, но, безусловно, испытательная площадка для китайских управленческих решений.

Политика унилатерализма Трампа и выход США из ряда международных организаций, как считают в Пекине, создает для Китая дополнительные возможности для наращивания дискурсивной силы. Как отмечает Юань Пэн, «что касается глобального управления, которое когда-то было любимой темой Запада, но сейчас либо игнорируется, либо на нее не хватает сил, то Китай может “налить новое вино в старые мехи” и обогатить глобальное управление, как с теоретической, так и с практической точки зрения, чтобы усилить свою международную дискурсивную силу и влияние»¹⁶. Это заявка на лидерство, но пока без детального плана, и требуется время, чтобы эти желания воплотились в жизнь. В любом случае, такие оценки подпитывают доминирующий в США нарратив о «широком ревизионистском вызове порядку, основанному на правилах», который, как пишет А. Джонстон, пока не подтверждается драматическими изменениями в китайской внешней политике¹⁷.

Тем не менее, как замечает Шон Бреслин, Китай постепенно становится одним из лидеров (если не единственным лидером) в области международного развития, предоставляя не только финансирование, но также постепенно продвигая собственное представление о том, что такое развитие, и

каким оно должно быть. Причем китайская концепция, обращает внимание Бреслин, отличается от западного «*good governance*», поскольку очищена от элементов демократизации и либерализации¹⁸.

Однако под институциональной дискурсивной силой в первую очередь имеется в виду не столько пропаганда социализма с китайской спецификой и распространение опыта внутренних реформ на международных площадках (хотя об этом и пишут некоторые китайские ученые и журналисты), сколько постепенное внедрение в работу наднациональных институтов и в принимаемые ими документы специально подготовленных норм, стандартов и протоколов, которые отражают китайское понимание тех или иных базовых идей и понятий (скажем, китайские трактовки кибербезопасности и суверенитета в Интернете, или интерпретацию прав человека с приоритетом коллективных прав над правами индивидуума).

Западный мир часто критикует Китай с позиций морали. В ответ на это директор Департамента информации и печати МИД Китая Хуа Чуньин призывает создать новую теорию морали с китайской спецификой, которая бы пользовалась международным консенсусом. При этом предлагается «использовать моральные преимущества, глубоко укоренившиеся в традиционной китайской культуре»¹⁹.

Источником институциональной дискурсивной силы становится не только китаизация международных «политических стандартов», но и стандартизация в исконном техническом смысле этого слова. 13-й пятилетний план определил, что Китай бу-

¹⁶ Юань Пэн Синьгуань ицин юй байнянь бяньцзюй (Эпидемия нового коронавируса и столетние перемены) // Ай Сысян, 17.06.2020. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html> [Yuan, Peng. Xinguan yiqing yu bainian bianju (The New Coronavirus Epidemic and a Century of Change) // *Ai Sixiang*, 17.06.2020. Mode of access: <http://www.aisixiang.com/data/121742.html>]

¹⁷ Johnston, A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2, P. 10.

¹⁸ Breslin, S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, p. 67.

¹⁹ Хуа Чуньин. Чжаньцзюй даои чжигаодянь, тишэн гоцзи хуаюй цюань (Занимать высокие моральные позиции, повышать международную дискурсивную силу) // Цюши, 12.07.2019. Режим доступа: http://www.qstheory.cn/llwx/2019-07/12/c_1124745528.htm [Hua, Chunying. Zhanju daoyi zhigao dian, tisheng guoji huayu quan (Take the Moral High Ground, Increase Discursive Power) // *Qiushi*, 12.07.2019. Mode of access: http://www.qstheory.cn/llwx/2019-07/12/c_1124745528.htm]

дет наращивать дискурсивную силу в определении международных стандартов. Интернационализация технических стандартов КНР (а именно сфера высоких технологий становится главной площадкой американо-китайского противостояния) также понимается как наращивание институциональной дискурсивной силы, то есть возможностей Пекина влиять на будущий технологический уклад. Китай постоянно наращивает представительство своих граждан на руководящих постах в международных организациях, разрабатывающий стандарты и спецификации. Усилия по широкому распространению китайских стандартов мобильной связи 5G (как и других прорывных технологий), если они увенчаются успехом, на многие годы вперед создадут глобальную китаецентричную структуру – сеть технологических партнерств, замкнутых на китайские разработки, сервис и модернизацию. Разумеется, этот шаг будет иметь и политические последствия.

Планами на 13-ю пятилетку предусмотрено, что Китай будет активно участвовать в определении международных правил в Интернете, открытых морях, полярных регионах и космическом пространстве. Растущая вовлеченность Китая в арктические дела сопровождается планомерным выстраиванием дискурсивной системы, которая могла бы служить поддержкой китайских планов освоения Арктики.

«Дискурсивное наступление» в Арктике

26 января 2018 г. правительство КНР опубликовало Белую книгу «Политика Китая в Арктике»²⁰. Документ появился через пять лет после получения Китаем статуса наблюдателя в Арктическом совете и через 11 лет после того, как Пекин впервые высказал намерение присоединиться к работе этого органа. Хотя Китай давно активно действовал в полярных широтах, внятного официального объяснения планов страны в Арктике долго не было. Сложно было понять, видит

ли себя Китай лишь исследователем арктических пространств, либо требовательной, и даже ревизионистской державой, чьи интересы не ограничиваются изучением «фабрики мировой погоды». В арктических государствах, в том числе и в России, понятную настороженность вызвали высказывания контр-адмирала ВМС НОАК Инь Чжо о том, что Арктика принадлежит всем народам мира, а Китай, имеющий пятую часть населения планеты, должен получить свою долю при разработке арктических ресурсов²¹.

Казалось, что Пекин сознательно выбрал тактику «пробных шаров», чтобы обкатать идею китайского лидерства в «общей Арктике» сначала на неофициальном уровне. В Арктике виделось еще одно локальное пространство в глобальной системе, где Китай должен непременно присутствовать. Однако определять границы такого присутствия Пекин не спешил, чтобы раньше времени не навлечь на себя огонь критики других игроков. Между тем, китайские эксперты по Арктике постоянно подчеркивали необходимость четкого артикулирования национальных интересов²², а выдвигание на первый план концепции укрепления дискурсивной силы, как представляется, способствовало публикации Белой книги.

²¹ Хайцзюнь шаоцзян: кайфа Бэйбиньян Чжунго букэ цзюэвэй (Контр-адмирал ВМС: Китай не может оставаться в стороне от освоения Северного Ледовитого океана) // Чжунго синьвэнь ван, 05.03.2010. Режим доступа: <http://www.chinanews.com/gn/news/2010/03-05/2154039.shtml> [Haijun shaojiang: kaifa Beibingyang Zhongguo buke quewei (Naval Rear Admiral: China Can't Afford to Be Absent from the Exploration of the Arctic Ocean) // *Zhongguo xinwen wang*, 05.03.2010. Mode of access: <http://www.chinanews.com/gn/news/2010/03-05/2154039.shtml>]

²² Сунь Кай, Ван Чэньгуан. Говай дуй Чжунго цаньюй бэйцзи шиу дэ бутун цзеду цзи ци индуй (Различные иностранные интерпретации участия Китая в арктических делах и ответ на них) // Гоцзи гуаньси яньцзю. 2014. № 1. Pp. 31-39. [Sun, Kai; Wang, Chenguang. Guowai dui Zhongguo canyu beiji shiwu de butong jiedu ji qi yingdui (Various Foreign Interpretations of China's Involvement in Arctic Affairs and Response to Them) // *Guoji guanxi yanjiu*, 2014, No. 1, pp. 31-39.]

²⁰ China's Arctic Policy / The State Council of the People's Republic of China, 26.01.2018. Mode of access: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

Два ключевых понятия, которыми Китай сегодня описывает свой статус в Арктике – «близоарктическое государство» (*цзинь бэйцзи гоцзя*) и «важный стейкхолдер в арктических делах» (*бэйцзи шу дэ чжун'яо лии югуаньфан*). После включения в текст Белой книги оба термина приобрели официальный характер, хотя задолго до этого употреблялись экспертами²³.

Среди принципов, определяющих в документе политику в Арктике, на первом месте стоит принцип уважения, что должно снимать настороженность других стран. Согласно китайским взглядам, действующие в Арктике игроки представляются неким сообществом, между членами которого должно существовать взаимное уважение. При этом говорится, что все государства должны следовать международным договорам, а также общему морскому праву. К этому как раз возникают вопросы. Как отмечает П. Гудев, «Пекин в Белой книге упускает из виду (вероятно, абсолютно осознанно), что помимо международного и регионального существует еще и страновой уровень, базирующийся на национальном законодательстве прежде всего СССР/России и Канады, как государств с наиболее протяженной береговой линией в Арктике»²⁴.

Расплывчатой выглядит формулировка о необходимости уважения «общих интересов международного сообщества в Арктике», при этом, не вполне понятно, какая правовая база имеется в виду, когда провозглашается «свобода неарктических государств осуществлять деятельность в этом регионе в соответствии с законом». По сути, в завуалированной форме здесь повторяется тезис об «общем достоянии».

²³ China Defines Itself as a 'Near-Arctic State', Says SIPRI / SIPRI, 10.05.2012. Mode of access: <https://www.sipri.org/media/press-release/2012/china-defines-itself-near-arctic-state-says-sipri>

²⁴ Гудев П. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике, 20.08.2018. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambitsii-podnebesnoj> [Gudev, P. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoi (Arctic ambitions of the Celestial Empire) // Rossiia v global'noi politike, 20.08.2018. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambitsii-podnebesnoj>]

Термин «важный стейкхолдер» также вызывает вопросы. Если определение «близоарктическая» вводит страну в круг арктических игроков, то упоминание о роли стейкхолдера определяет логику и направленность китайских действий, а также наделяет Китай особым статусом. «Фактически это амбициозная попытка возглавить процесс активизации внерегиональных игроков, закамouflированное желание играть среди них одну из лидирующих ролей в формировании повестки дня», – полагает П. Гудев²⁵.

Появление Белой книги символизирует новое качество проекции «дискурсивной силы» Китая. «Пощупать» это невозможно, однако в битве за Арктику Пекин пытается последовательно проводить долгосрочную дискурсивную стратегию, вести игру не только на практическом, но и на идейном уровне, выстраивая вокруг своего присутствия в Арктике определенную систему образов. Официальный нарратив призван корректировать негативный образ Китая, как слишком амбициозного чужака, и в тоже время, влиять на формирование повестки и правил игры с учетом китайских интересов.

Заключение

Задача укрепления дискурсивной силы в «новую эпоху» самым тесным образом связана не столько с гармоничным встраиванием Китая в мир, сколько с «организацией» мирового порядка с учетом китайских интересов. Дискурсивная сила до Си Цзиньпина мыслилась как эффективный канал коммуникации с другими государствами, как средство формирования положительного образа Китая, прежде всего с помощью СМИ, культурных и образовательных обменов и т.д. Сегодня усиление дискурсивной силы превратилось в одну из ключевых внешнеполитических задач, и в условиях высококонкурентной внешней среды по многим признакам ближе к классической «жесткой», а не «мягкой» силе.

Концепция дискурсивной силы динамично видоизменяется и дополняется за счет усиления важных для глобального управления институциональных аспектов, что подтверж-

²⁵ Ibid.

дает ее гибкость и высокую востребованность. Кроме того, можно сделать вывод, что концепция находится в центре внимания высшего партийно-государственного руководства КНР и является политикоформирующей.

Выдвижение задачи усиления «дискурсивной силы» отражает усложнение внешней среды и новое качество дипломатии КНР, которая становится более напористой. В китайском понимании усиление дискурсивной силы представляет собой набор инструментов, способствующих продвижению Китая в центр мировой сцены, формирующих повестку международных институтов и новые «правила игры», воздействующих на ценности мировых акторов и их мировоззрение, а через это на политический выбор и политические решения.

Развитие международной ситуации подсказывает китайскому руководству, что ни экономическое богатство, ни морально-культурное превосходство не гарантируют Китаю достойную долю в глобальном управлении, адекватную растущей комплексной национальной мощи. Внимание к дискурсивной силе, как и в свое время увлечение теорией мягкой силы Дж. Ная, стало результатом внутренних обсуждений о путях национального возрождения, о том, каким образом будет проходить подъем Китая. Эти дискуссии еще не закончены, и траектория китайского развития не видится простой и линейной никому – ни внешним наблюдателям, ни лицам, принимающим решения в Пекине. Там говорят о беспрецедентных за столетие переменах, которые конечно отражаются и на положении Китая.

Сегодня растут и риски, и возможности для китайского развития. Однако принципиально не изменился один момент – как и «мягкая сила», так и дискурсивная сила, будучи встроенными в глобальный контекст, неизбежно теряют свое положение свободно от любых влияний и монопольного агента, таковыми они выступают только во внутрикитайском контексте (кстати, оба термина используются КПК во внутренней политике).

Единство внутренней и внешней повестки постоянно провозглашается в китайских политических документах, но по ряду признаков, такое единство пока труднодости-

жимо. Это, в частности чувствуется на концептуальном уровне, на уровне нарративов, когда предлагаемые миру формулы с трудом воспринимаются зарубежной аудиторией. Внешняя дискурсивная сила, которая должна обеспечить реализацию глобальных амбиций Китая, сама нуждается в обеспечении – но уже внутреннем. Успех китайского дискурсивного «упорядочивания» мира во многом будет зависеть от того, насколько тщательно Китай упорядочит собственные представления о себе и своем будущем, насколько успешно будет «переводить» свои планы на понятный мировому сообществу политический язык, и, немаловажно, – насколько оперативно и адекватно будут восприниматься обратные сигналы. Тонкий вопрос – кто имеет право на «интерпретацию Китая»? Если дискурсивная сила будет направлена и на то, чтобы унифицировать мировой нарратив о Китае, оставив лишь за Пекином единственно правильные оценки собственных планов и действий, то система обратной связи будет неизбежно выдавать ложные сигналы.

Литература:

- Ван Хунин. Цзовэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли (Культура как национальная сила: мягкая сила) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. Рр. 91-96.
- Гудев П. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике, 20.08.2018. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/arkiticheskie-ambiczi-podnebesnoj>
- Сунь Кай, Ван Чэньгуан. Говай дуй Чжунго каньюй бэйцзи шиу дэ бутун цзеду цзи ци индуй (Различные иностранные интерпретации участия Китая в арктических делах и ответ на них) // Гоцзи гуаньси яньцзю. 2014. № 1. Рр. 31-39.
- Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996.
- Чжан Гоцзо. Гуаньюй «хуаюй цюань» дэ цзидянь сыкао (Некоторые мысли о «дискурсивной силе») // Чжэнгун яньцзю вэньчжай. 2009. № 3. Рр. 43-44.
- Breslin, S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1.
- Denisov, I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2.
- Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
- Johnston, A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2.
- Tofler, Alvin. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3.

References:

Breslin, S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1.

Denisov, I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*, 2016, Vol. 47, No. 2.

Foucault, M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti (The Will for Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality). Translation from French, comments and afterword by S. Tabachnikova. Moscow, 1996.

Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.

Gudev, P. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoi (Arctic ambitions of the Celestial Empire) // *Rossia v global'noi politike*, 20.08.2018. Mode of access: <https://globalaffairs.ru/articles/arkticheskie-ambitsii-podnebesnoj>

Johnston, A.I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*, 2019, Vol. 44, No. 2.

Sun, Kai; Wang, Chenguang. Guowai dui Zhongguo canyu beiji shiwu de butong jiedu ji qi yingdui (Various Foreign Interpretations of China's Involvement in Arctic Affairs and Response to Them) // *Guoji guanxi yanjiu*, 2014, No. 1, pp. 31-39.

Toffler, Alvin. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.

Wang Hongying. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli (Culture as a national strength: soft power) // *Fudan Xuebao*, 1993, No. 3, pp. 1-96.

Zhang, Guozuo. Guanyu "huayu quan" de jidian sikao (Some reflections on the «discursive power») // *Zhenggong wyanjiu wenzhai*, 2009, No. 3, Pp. 43-44.

Zhao, Kejin. China's Rise and Its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*, 2016, Vol. 1, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

THE CONCEPT OF 'DISCURSIVE POWER' AND THE TRANSFORMATION OF CHINESE FOREIGN POLICY UNDER XI JINPING

Igor E. Denisov

MGIMO University,
Moscow, Russia

Article history: <i>Received:</i> 27.06.2020 <i>Accepted:</i> 01.09.2020	Abstract: Increasing China's international discursive power (<i>guoji huayuquan</i>) has been declared one of the foreign policy priorities under Xi Jinping. Drawing on Michel Foucault's works on discourse, Chinese theorists and practitioners have substantially modified their content, adapting Western concept of discourse to rising China's realities. This article analyzes the content of 'international discursive power' in the context of the academic debate on China's foreign policy transformation. The author focuses primarily on why this concept is of a strategic nature and why it, rather than soft power, now comes to the fore in describing China's interaction with the world. The article goes on to show how the issue of discursive power is linked to Beijing's plans for global governance reform and the internationalization of Chinese standards. As an example, the article looks at the discursive content of Chinese policy in the Arctic, which demonstrates how China is pursuing its interests not only on a material and practical level but also on an ideational level. The author concludes that the task of increasing 'discursive power' not only reflects the new quality of China's foreign policy but also responds to the increasingly complex external environment. In China's view, increasing 'discursive power' is a set of tools to help China move into the center of the world stage, actively shaping the agenda of international institutions and setting new "rules of the game."
About the author: Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University e-mail: iedenisov@yahoo.com	
Key words: China; Foreign Policy; Discursive Power; Xi Jinping; Transformation; Global Governance; Arctic; Foucault	

Для цитирования: Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 42-52.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

For citation: Denisov, Igor E. Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si TSzin'pine (The Concept of 'Discursive Power' and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 42-52.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047